

сѣверѣ виднѣлись одно время невысокія горы Нарин-хара, но вскорѣ онѣ скрылись изъ виду; наконецъ изъ туманной дымки выдвинулись вершины Алашаньскихъ горъ, а за ними и самый хребетъ, въ предгорьяхъ котораго среди песчано-глинистыхъ холмовъ лежитъ китайскій городокъ Дын-юань-инъ, называемый монголами Алаша-ямынь, гдѣ имѣетъ свою резиденцію Алашаньскій ванъ¹⁾.

Такъ какъ мнѣ нужно было его видѣть, чтобы договориться о предоставленіи мнѣ животныхъ для дальнѣйшаго слѣдованія, то я и остановился въ самомъ городѣ. Намъ отвели по распоряженію вана отдѣльную фанцзу, оказавшуюся въ послѣдствіи постояннымъ дворомъ, въ которой мы кое какъ расположились, при чемъ намъ еле-еле удалось къ ночи немного согрѣть находившуюся, давно нетопленную комнату.

День нашего прихода совпалъ какъ разъ съ послѣднимъ днемъ китайскаго праздника новаго года; узкія улицы были полны народа и китайцы веселились во всю: катались по улицамъ на осликахъ и мулахъ, звеня массой бубенцовъ, смотрѣли фокусниковъ и жонглеровъ, запружая цѣлую улицу сплошной толпой; всѣ дома были украшены разноцвѣтными бумажными флагами и фонарями, вездѣ вновь расклеены на дверяхъ изображенія боговъ таоистскаго пантеона; къ вечеру движеніе на улицахъ уменьшилось, но вечеромъ и всю ночь слышалась оглушительная трескотня хлопушекъ и шумихъ, продолжавшаяся и слѣдующіе вечера.

Изъ всѣхъ почти лавокъ и домовъ слышались звуки китайской скрипки и визгливые голоса, пѣвшіе подъ ея аккомпаниментъ развеселыя пѣсни, болѣе, впрочемъ похожія на весеннее пѣніе котовъ на крышѣ.

Вскорѣ послѣ приѣзда, ванъ прислалъ къ намъ двухъ своихъ людей, чтобы посмотрѣть на насъ и, какъ мы послѣ узнали, доложить ему, настоящіе ли мы русскіе, т. е. подданные Батыр-Цаган-Хан'а, или другіе какіе нибудь люди; это подраздѣленіе русскихъ на „настоящихъ“ и не настоящихъ, происходитъ отчасти оттого, что изъ европейцевъ монголы знаютъ по большей части только русскихъ, а потому всѣхъ вообще европейцевъ называютъ „орусь“, отчасти же и оттого, что иностранцы путешественники, пользуясь монгольскимъ невѣденіемъ, часто выдаютъ себя въ Центральной Азіи за русскихъ. Вану конечно извѣстны

¹⁾ Дын-юань-инъ лежитъ по моему наблюденію на абсолютной высотѣ 4870 футовъ, Китайцы называютъ его также Фу-ма-фу, т. е. городъ зятя Императора, такъ какъ Алашаньскій ванъ имѣетъ титулъ Фу-ма.